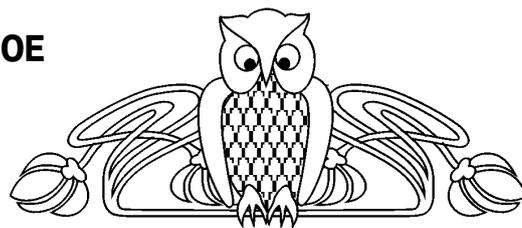

УДК 329 (470)

НЕФТЬ РОССИИ И РЕНТООРИЕНТИРОВАННОЕ ПОВЕДЕНИЕ: К ПОНИМАНИЮ ПРИРОДЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТИМУЛОВ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ

А.К. Магомедов, Р.Н. Никеров

Ульяновский государственный университет
E-mail: armagomedov@gmail.com

В статье исследуется феномен рентоориентированного поведения постсоветской российской власти. Исследована преемственность рентоориентированного поведения на различных этапах посткоммунизма в отношении самого важного отечественного ресурса – нефти. Доказано, что контроль над существующими ресурсами стал для различных правящих групп России большим благом, чем иные доступные альтернативы. Отмечено, что система извлечения ренты представляет собой непродуктивную форму социальной стабилизации в переходном обществе.

Ключевые слова: переходный период, рентоориентированное поведение, нефть, Центр-периферия.

Russian Oil and Rent-Seeking: toward Understanding of Nature of the Political Incentives of Russian Authorities

А.К. Magomedov, R.N. Nikerov

The paper presents arguments to the effect that in modern Russian transition the political elite's objectives is consists mainly for maintaining a monopoly on power and siphoning off resource rents. The Russian state led by Putin has increased its direct control of the oil industry. The authors notes that the balance of motives in the recent expansion of state control cannot be gauged with any confidence, but guaranteeing political control for the present ruling group and rent-seeking by high officials appear to have played a substantial part.

Key words: russian transition, rent-seeking, oil industry, center-periphery.

Преамбула: нефть и Россия

Изучение проблем, связанных с нефтью, необходимо для понимания политических и экономических проблем, стоящих перед Россией сегодня. За последние 15 лет энергетический фактор обусловил впечатляющие изменения в характере отечественной экономики и политики. Вкратце их можно свести к следующим тенденциям.

Первая. В экономике России закрепилась устойчивая сырьевая ориентация с упором на нефть и газ. Нефтегазовая отрасль стала наиболее успешным сектором отечественной экономики в постсоветский период. Если в 2000 г. доля нефтегазового сырья в российском экспорте составляла 30%, то в 2007 г. – 65%¹. В последние годы, как отметил известный экономист С. Глазьев, наблюдается немислимый для развитой страны «сырьевой перекокс» российской экономики: больше 3/4 госбюджета формируется за счёт продажи

минеральных ресурсов². Поскольку нефть является природным ресурсом, позволяющим получать значительные доходы, контроль над российской нефтью стала предметом жёсткой конкуренции в постсоветский период.

Вторая. В результате неуправляемой децентрализации общества в 1990-е гг. российские регионы получили значительный контроль над природными богатствами в своей географической юрисдикции. Дальнейшая регионализация государства и локализация власти стимулировали конкуренцию различных местных политических сил за контроль над экономикой и ресурсами.

С началом путинской централизации власти и подавления локальных эгоизмов конкуренция за контроль над ресурсами переместилась с регионального на национальный уровень.

Третья тенденция, тесно связанная с двумя первыми, заключается в том, что за годы рыночных реформ в России утвердилась колоссальная поляризация объёма доходов между регионами, невиданная доселе территориальная перегасовка национального фонда зарплаты. Как отмечал российский экономист К. Иванов, аналогичный вариант диспропорции внутри одной страны можно найти пожалуй только в ЮАР. Да и то как наследие долго шедшей концентрации богатств в «белых» индустриальных районах. Причём в основе российского феномена лежит не абстрактная народно-хозяйственная значимость, а натуральная форма производимого продукта и его обратимость в валюту³. Сегодня таким продуктом являются нефть и газ, которые в элитном и массовом сознании стали символами богатства и власти.

Четвёртая. Банковская элита, которая в первой половине 1990-х гг. олицетворяла мощь и блеск отечественной бизнес-элиты, сумела сохранить своё влияние, перейдя в разряд нефтемагнатов как реальной элиты богатства в новых условиях⁴.

Сегодня очевидно, что все уровни российской экономики оказались в неумолимом нефтяном круге, заставляя многих российских аналитиков строить тревожные прогнозы по поводу перспектив российской модернизации⁵.

Эта работа объясняет природу политического поведения российской власти через призму борьбы за такой важный ресурс, как нефть. В центре исследования – борьба за ресурсную ренту в

условиях политической неопределённости переходного общества.

Феномен *rent-seeking*: авторская концепция анализа

В своё время Конфуций призывал «выпрямлять понятия», имея в виду инструментальное уточнение ключевых терминов. В нашем случае в подобном «выпрямлении» нуждается основное понятие работы – рентоищущее поведение (*rent-seeking*).

В нашу задачу не входит объяснение процесса извлечения экономической ренты, так же как изучение природы самой экономической ренты. Мы подчёркиваем политический аспект феномена *rent-seeking*. Рентоориентированное поведение (*rent-seeking*) рассматривается нами в виде стремления к узурпации прав на распределение и перераспределение ресурсов. Это подразумевает извлечение прибыли без участия в продуктивной деятельности, например, путём получения контроля над теми или иными ресурсами. Как будет показано, система извлечения ренты представляет собой непродуктивную форму социальной стабилизации в переходном обществе. Важно понять, что благодаря этой стабилизации определённые группы, блокируя рыночную конкуренцию, добиваются осуществления своих интересов.

Эпоха Ельцина: фрагментация общества и регионализация рентных практик

Децентрализация российской политики в 1990-е гг. привела к тому, что усиливавшиеся местные правящие группы укрепляли региональное самосознание и создавали закрытые «губернаторские экономики». Это помогло им консолидировать свою политическую базу, поскольку население обращало свои ожидания к региональным властям. Естественные географические условия – доступ к природным ресурсам и коммуникациям, ведущим во внешний мир – стали важными источниками сравнительных преимуществ российских регионов.

Это особенно ярко проявилось на примере трёх аграрных регионов с уникальной сельскохозяйственной специализацией: Астраханской области (рыбная отрасль и промысловое стадо осетровых), Калмыкии (овцеводство), Краснодарского края (развитое сельское хозяйство и курортно-рекреационный комплекс). После того как в конце 1990-х гг. по этим территориям начали прокладывать нефтепровод Каспийского трубопроводного консорциума (КТК), несущий казахстанскую нефть к новороссийским терминалам, их лидеры заявили о своих нефтегазовых приоритетах.

Существует общий мотив для локальных элит во всех трёх рассматриваемых регионах:

местные элиты пытаются держать контроль над транзитными и сырьевыми ресурсами для собственной политической выгоды. Оказавшись совершенно неожиданно на пути следования «большой каспийской нефти», региональные власти демонстрировали рентоищущее (*rent-seeking*) поведение. Их поддержка нефтепровода и политизация нефтедобычи свидетельствует о том, что нефть для них стала большим благом, чем иные доступные альтернативы, в том числе для решения социальных проблем.

Данная мотивация привела даже к острому территориальному конфликту между Астраханской областью и Калмыкией, в основе которого лежало стремление получать большую долю отчислений за перевалку нефти по спорным землям. Ведь политические элиты обеих регионов рисовали перед своим населением красочные картины и диаграммы будущего обогащения. Так, в одном из своих интервью К.Илюмжинов заявил, что Калмыкия должна стать нефтяной республикой, а «когда мы доведём нефтедобычу до 3 млн тонн, то жители Калмыкии могут уже не работать»⁶.

Конфликтная ситуация между Астраханской областью и Калмыкией есть результат взаимной зависимости и убывания материальных ресурсов. Политические лидеры Астраханской области, Краснодарского края, а в ещё большей степени Калмыкии публично демонстрировали поведение рантье-элиты, высказывая энтузиазм возможностью «снимать пенки» от экспорта нефти.

Эпоха Путина: «кремленизация» ресурсной политики и создание государства-рантье

Уход Бориса Ельцина с поста Президента РФ и появление Владимира Путина как общенационального лидера вызвал к жизни множество вопросов: что принесёт региональным властям окончание эпохи Ельцина? Смогут ли лидеры регионов и дальше политизировать нефтедобычу и транзит нефти? Сохранится ли рентоориентированное поведение, или государство будет стимулировать конкуренцию на пути создания новых продуктов и новых знаний?

Точнее всех развитие российского нефтегазового сектора предвидел британский учёный Дэвид Лэйн в книге «Политическая экономия российской нефти», вышедшей накануне смены власти в Кремле. Британский специалист в общих чертах предсказал возможность движения для России в сторону создания корпоративной формы капитализма с энергетической индустрией во главе. «Более государственно ориентированный президент мог бы повернуть страну в направлении корпоративного госкапитализма», – размышлял Д. Лэйн в предисловии к своей книге⁷. Вряд ли он мог предположить, насколько точным окажется его прогноз.

Очень много усилий было потрачено исследователями для рассмотрения федеративной реформы и построения так называемой «вертикали власти» в первые годы президентства Путина. Что касается нефти, то с момента своего прихода к власти в 2000 г. Путин считал, что экспорт природных ресурсов и, в частности, энергоносителей финансово обеспечит экономическое возрождение государства.

После федеративной реформы, которая закончилась нейтрализацией политического влияния губернаторов и «равноудалением» олигархов, венцом которого явилось «дело ЮКОСа», государство стало в значительной степени автономным от внешних групп влияния. Однако нельзя не заметить одну очевидную странность при рассмотрении путинской системы. Главная идея Путина заключалась в создании сильного и единого Российского государства. Он собирался сделать это путём построения строгой централизованной системы власти, укомплектованной преданными ему людьми. Однако его цель превратить государство в эффективный инструмент, обеспечивающий развитие страны, была реализована совсем не так, как это преподносилось изначально.

Путинская команда состояла из его порученцев, которые подавались как скромные технократы, «младшие офицеры». Такие, как, например, И. Сечин, С. Иванов, В. Якунин, А. Миллер и др. Меньше чем через десять лет многие из них стали миллиардерами. Одновременно они превратились в мощные теневые политические фигуры, возглавив крупные кланы и клиентелы.

Почему так произошло? Почему «новые люди», которых Путин привёл с собой из спецслужб для очистки страны, породили столь масштабную коррупцию? Почему у Путина получилось такое государство, в котором произошло сближение между крупным бизнесом и государственной властью?

Думается, дело в следующем. Несмотря на то, что, по данным главы Центра изучения элит Института социологии РАН О. Крыштановской, в первые два года правления В. Путина в стране произошло обновление высшего эшелона власти на 25%, новый лидер сохранил олигархическую модель собственности и власти, которая сложилась в 1990-е годы. Здесь мы не будем оспаривать довольно сомнительный тезис эксперта о том, что при Путине «ельцинская олигархия или исчезла, или перестроилась, стала более скромной, скрытной»⁸. Мы говорим в данном случае не о персоналиях, а о системе власти, воспроизводящей олигархическо-паразитическое поведение. Путинское окружение под разговоры о «сильном государстве» адаптировало эту модель к новым реалиям. Возникшие при Путине новые группы интересов были встроены в олигархические и перераспределительные механизмы 1990-х гг. Паразитическое и рентоориентированное поведение,

как и прежде, осталось способом их существования и менеджмента.

К концу 1990-х гг. объективные интересы правящего класса России заключались в том, чтобы перейти от первичного раздела советского наследства к защите результатов этого раздела и последующему частичному переделу. Для достижения этой цели нужно было добиться политической стабилизации. В рамках данной парадигмы государство рассматривается политическими субъектами не как «средство, с помощью которого народ длит и развивает своё историческое предназначение» (С. Кургинян), а как инструмент раздела и передела собственности с последующей легализацией их результатов. По сути дела, путинский Кремль сохранил постсоветскую модель, содержанием которой является спекулятивное затягивание переходного периода. Поэтому путинское государство, выросшее из ельцинского зародыша, оказалось коррумпированным и олигархичным.

В 1990-е гг. многие местные и региональные администрации установили у себя то, что можно назвать протекционистским рэкетом. В постъельцинской России Путин просто централизовал, или «кремленизировал», эту практику. В 2000-е гг. произошла монополизация рентоориентированной модели федеральным центром. Укрепление «вертикали власти» значительно снизило роль регионов в политической жизни. Это расчистило олигархическим группировкам путь к захвату доходных региональных бизнесов. Принципиально система административного рынка не изменилась. Как отметил российский аналитик Сергей Маркедонов, «если в 1990-е гг. успех праздновали региональные «рейдеры от политики», то в 2000-е гг. успех пришёл к «рейдерам от центральной власти»⁹.

Стратегия «рантье» при Путине, суть которой – централизация и перераспределение ренты от природных ресурсов через госбюджет – позволила улучшить материальный компонент жизни граждан. Повышение мировых цен на нефть с 10 долларов за баррель в 1998 г. до 147 долларов в июле 2008 г. принесло России огромные дополнительные доходы. Как отмечают американские исследователи Клиффорд Гэдди и Барри Уайкс, за годы пребывания Путина на посту президента страны российские нефтегазовые компании заработали на экспорте на 650 млрд долларов больше, чем за предыдущие восемь лет правления Бориса Ельцина¹⁰. В этих условиях российская элита, провозглашая инновационные приоритеты для страны, предпочитает действовать в комфортной логике рентно-распределительной системы. В свою очередь, рядовые россияне, пережившие в 1990-е гг. тяжесть борьбы за выживание, в последнее благополучное десятилетие тоже получили свою долю в рамках рентно-распределительной системы. Это распалило потребительскую мотивацию граждан, которые

стали чувствовать себя частью «общества потребления». Власти поощряли текущее потребление, отдав тем самым предпочтение стабильности перед динамизмом и модернизацией. Это весьма наглядно подтвердил декабрьский (2009 г.) съезд «Единой России», провозгласивший своей идеологией консерватизм.

* * *

Таким образом, концепция рентоориентированного поведения позволяет приблизиться к лучшему пониманию текущих политических стимулов российской власти всех уровней. Суть данного поведения заключается в том, что политические и экономические субъекты тратят избыточные усилия на раздел существующего ресурсного пирога и снижают уровень производственных усилий по созданию добавленной стоимости и новых знаний. Как уже было отмечено в начале статьи, вопрос рентоориентированного поведения нельзя рассматривать как чисто экономический. В подобной ситуации ключевым вопросом становится качество политической системы и государственных институтов, позволяющих ограничить или, наоборот, стимулировать рентоориентированные практики.

Примечания

- 1 См.: Россия в цифрах. М., 2000. С. 356, 368–369; Российский статистический ежегодник. М., 2008. С. 570–574; Коновалов В.Н., Цветоват М. Геостратегический процесс на Кавказе и Каспийском регионе: системный и сетевой анализ // Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе: управление, экономика, общество: Сб. докл. Ростов н/Д; Горячий Ключ, 2006. С. 121.
- 2 Глазьев С. Дискуссия «Между выборами». Экспертный опрос газеты «Завтра» // Завтра. 2008. № 5 (741). 30 янв. С. 1.
- 3 Иванов К. Пропасть между регионами—угроза целостности России // Экономика и жизнь. 1997. № 8. февр. С. 1. Аналогичная тенденция сохранилась и в 2000-е гг. За последние десять лет российская экономика испытала четко выраженное неравенство доходов: как между регионами, так между городскими и сельскими сообществами внутри регионов. Ошеломляющий рост нефтедоходов в 2000–2008 гг. усилил такое развитие.
- 4 Эту тенденцию одним из первых исследовал Евгений Хартуков (*Khartukov E. Bankers becoming new masters of oil companies // Petroleum Economist. London. February 1997. Vol. 64. № 2. P. 6–8.*)
- 5 Эта тревога ощущалась ещё до начала «нефтяной эры», которую сегодня повсеместно связывают с именем В. Путина. См., например: *Квитко Е. Нефть вместо реформ. Интервью с исполнительным директором Экспертного института А. Нещадиным // Московские новости. 2000. № 13. 4–10 апр. С. 10.*
- 6 «НГ-Регионы». 1998. № 15. С. 4. Аналогичные заявления делал обычно сдержанный в таких случаях бывший губернатор Астраханской области Анатолий Гужвин («Общая газета». 2000. № 36. 7–13 сент. С. 6).
- 7 *Lane D. Introduction: The Political Economy of Russian Oil / Ed. by D. Lane. Lanham, Boulder, N.Y., Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1999. P. 10.*
- 8 *Самарина А. Первая десятилетка Владимира Путина. Эволюция от агонии сепаратизма к государству-мифу // Независимая газета. 2009. 7 авг.*
- 9 *Маркедонов С. Триколор сепаратизма // Газета. 2009. 1 апр.*
- 10 *Gaddy C.G., Ickes B.W. Putin's Third Way // The National Interest. 2009. 19 January.*

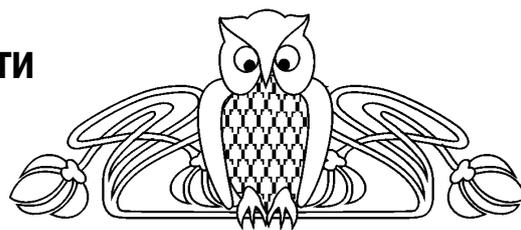
УДК 32.01

К ВОПРОСУ О ПОЯВЛЕНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

М.К. Арчаков

Благовещенский государственный педагогический университет
E-mail: vostok731@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности деятельности леворадикальных общественных организаций в современной России. Изучение деятельности леворадикальных организаций позволяет утверждать, что в современном российском обществе существует достаточная питательная среда для развития экстремистских организаций, объединений и групп. На сегодняшний день левый экстремизм является потенциально опасной для общества разновидностью леворадикальных практик, сочетающих в себе социальную нетерпимость и агрессивный радикализм.

Ключевые слова: экстремизм, радикализм, социализм, анархизм, революция.

Discussing Appearance and Activity of Left-Wing Social Organisations in Contemporary Russia

M.K. Archakov

The article considers peculiarities of the activity of left-wing radical social organizations in contemporary Russia. The study of the activity of left-wing radical organizations allows to say that a very nourishing environment for the development of the extremist organizations,